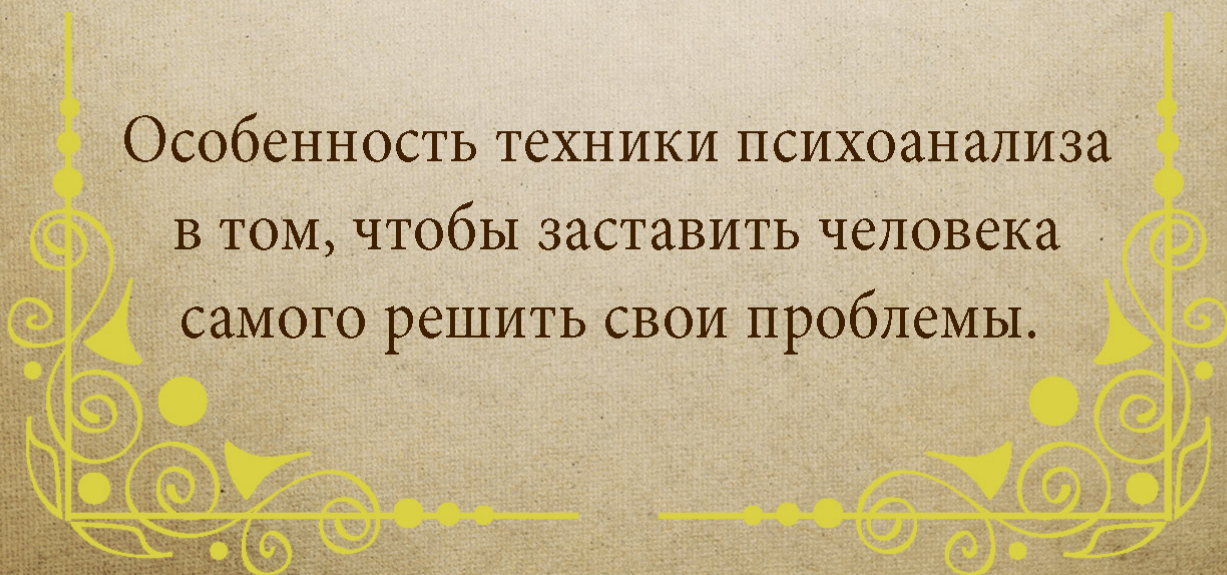

Введение в психоанализ

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

Особенность техники психоанализа
в том, чтобы заставить человека
самого решить свои проблемы.

Исключительная книга мудрости

Зигмунд Фрейд

**Введение в психоанализ. С
комментариями и объяснениями**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.96
ББК 88.6

Фрейд З.

Введение в психоанализ. С комментариями и объяснениями /
З. Фрейд — «Издательство АСТ», 2019 — (Исключительная
книга мудрости)

ISBN 978-5-17-118967-9

Зигмунд Фрейд с юных лет мечтал изменить мир, мечтал о победе разума и пьедестале славы. И действительно, творческие личности, деятели науки, простые обыватели прошлого столетия с азартом поддались модному течению – взирая глазами Фрейда на человеческие влечения и поступки, вслед за ним анализировать сновидения, изучать методы гипноза и раскрывать суть неврозов и страхов будь то в жизни или в искусстве. Психология, медицина, социология, антропология, литература XX века прониклись идеями фрейдизма. Ни один другой ученый не имел столь мощного влияния в обществе. Он явился основателем теории психоанализа и эдипова комплекса, внес новое и неожиданное понимание в трактовку бессознательного, воздействия полового инстинкта на психику, соотношения Я и Оно, показал, как массы меняют индивида, а тот, в свою очередь, влияет на психологию толпы... Настоящую хрестоматию составили произведения, отражающие основные взгляды ученого.

УДК 159.96
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-118967-9

© Фрейд З., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Триумф и трагедия Фрейда	7
Лекции по введению в психоанализ	10
Первая лекция. Введение	12
Часть третья. Общая теория неврозов	19
Шестнадцатая лекция. Психоанализ и психиатрия	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Зигмунд Фрейд
Введение в психоанализ. С
комментариями и объяснениями

© Э. Марон, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2019

© А. Боковиков, перевод с немецкого, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Триумф и трагедия Фрейда

6 мая 1856 года в 6.30 вечера на Шлоссергассе, 117, в городе Фрайберге Моравии на свет появился человек, интерес к личности и трудам которого не угасает в мире по сей день. Зигмунд Шломо Фрейд, сын скромного торговца шерстью и сукном Якоба и восхитительной девушки Амалии. Рожденный «в сорочке», он с раннего возраста был окутан предсказаниями посторонних и верой родных в свое будущее величие. Казалось, сама судьба благоволила Фрейду – любимое дитя, окруженное материнской заботой и гордостью, убежденность отца в том, что из сына вырастет величайший врачеватель, слава о котором распространится далеко за пределы Австрии. Фрейд искренне уверовал, что ему уготована особая миссия – свершить неведомое доселе человечеству открытие, по величию своему не уступающее подвигам мифических героев. Но мог ли он, вдохновленный желанием первооткрывательства, предвидеть весь триумф и всю трагедию, увенчавшие плод его исканий? Не имея, в силу своей родословной, большого выбора будущей профессии, он без всякого к тому тяготения поступает на медицинский факультет. Наделенный педантичностью и чувством ответственности, Фрейд с отличием постигает врачебное дело, томясь при этом невыносимой обреченностью от одной лишь мысли – до конца дней своих возиться с безнадежными пациентами и влачить жалкое существование не любящего своего ремесла врачевателя. Он проходит путь от стажера в лаборатории Брюкке до главного врача в неврологическом отделении Шольца, утрачивая веру не только в свое предназначение, но и в везение. «Кто я? Старый, жалкий на вид еврей», – горестно сетует он своему приятелю. Без денег, без ясных перспектив на будущее, с семейными обязательствами и так и не появившимся делом жизни, которое полностью овладело бы его умом и жадой. Жадой найти себе применение. Все будто бы твердило ему о его личной заурядности, о глупой, надуманной затее – стать великим, как саркастичная шутка, подброшенная ему врагами, чтобы вдоволь посмеяться над его доверчивостью и самомнением. Но судьба, столь много обещавшая Зигмунду в отроческие годы, наконец-то улыбнулась ему в лице двух коллег, чьи имена Фрейд будет упоминать с трепетным благоговением и благодарностью: Шарко и Брейер. Первый своими своеобразными взглядами на истерию и гипнотизм произвел на Фрейда сильное впечатление и сыграл значительную роль в его повороте от невролога к психопатологу. Брейер, поведав Фрейду о своей пациентке Анне О., впоследствии ставшей, благодаря провидению самого же Фрейда, знаменитой, фактически сподвиг его к грандиозному замыслу, начавшемуся как смутный проблеск понимания таинственной стороны человеческой психики и приведшему в итоге к открытию психоанализа. На этом долгом пути зарождения новой концепции о разуме человека Фрейд оказался один. Никто из его вдохновителей и помощников не сумел или не захотел систематизировать свои наблюдения, посвятить свою деятельность серьезному и тщательному изучению этой темы. Возможно, это не было им интересно; возможно, они не понимали до конца, с чем имеют дело. Шарко отнесся безразлично к энтузиазму Фрейда по поводу изучения болезни Анны О. Брейер, запутавшись в своих чувствах к Анне и дав повод жене для ревности, в панике бежал от своей пациентки, когда у той начались воображаемые «истерические» схватки родов их мнимого ребенка. Передав ее Фрейду, он более не возвращался к этой непредсказуемой и пугающей области. Фрейд оказался не только более устойчивым и невосприимчивым к экстравагантным выходкам пациентов, но и более трудолюбивым и последовательным в своих наблюдениях и суждениях. Нашупав нужную нить, он с темпераментом «конкистадора» вошел в темные задворки человеческого сознания, шаг за шагом срывая покровы, веками скрывавшие самые потайные и сокровенные страсти, страхи и мотивы людей. Свободные ассоциации, защитные механизмы, толкование снов, либидо... Фрейд по крупным собирает основы своего главного творения – психоанализа. Будучи приверженцем строгих этических убеждений, он первым подвергает себя честному и неприкрытому самоанализу,

финальным аккордом превратившему весь его опыт и все его познания в новое, фундаментальное учение о человеке. Фрейд захотел изменить мир, дав ему универсальную теорию человеческого поведения, еще долгое время оставаясь в полном одиночестве среди непонимания и недоверия. Только с выходом «Толкования сновидений» (1900) его популярность начала постепенно расти, а психоанализ стал завоевывать последователей и континенты. Вспыхнувшие в ответ яростная оппозиция, циничные насмешки и ядовитые нападки нисколько не смущали Фрейда, выработавшего с юности в себе стойкость, и лишь укрепляли его в вере в правильность своего пути. Он избирает единственно приемлемую для себя позицию – категоричное несогласие с любым возражением в адрес своих теорий, абсолютная убежденность в личной правоте и робкая надежда на мудрость новых поколений, которые сумеют верно оценить его труды. Триумф и признание не заставили более себя ждать. Имя Фрейда вознеслось над миром. Психология, медицина, социология, антропология, литература и искусство XX века прониклись идеями фрейдизма. Ни один другой ученый не имел столь мощного влияния. Научные деятели, творческие личности, простые обыватели с азартом поддались модному влиянию – взирать глазами Фрейда на человеческие мотивы, влечения и поступки, будь то в жизни или в искусстве. Фрейд мог бы упиваться триумфом, к которому так стремился с юных лет. Но судьба делает новый виток, полный трагизма и все такого же одиночества, преследовавшего Фрейда всю его земную жизнь. «Мы входим в мир одинокими и одинокими покидаем его», – безнадежно повторял Фрейд. Отступничество учеников, нанесшее тяжелый удар, прогрессирующая болезнь, мучительно изнуряющая физическое и душевное состояние, жестокая и иррациональная сущность человеческого бытия, вызывающая горькую иронию и разочарование, лишь подтолкнули к вынужденному уходу. Вопреки расхожему мнению, Фрейд не стремился стать революционером. Он им и не был. Желание общества разрушить до основания старые устои пугало его. Будучи далеко не религиозным человеком, он тем не менее осознавал и предвидел всю опасность радикальных изменений в общественном устройстве. «Если Вам угодно изгнать из нашей европейской культуры религию, то этого можно достичь только с помощью другой системы учений, которая с самого начала переймет все психологические черты религии, тот же священный характер, ту же косность, нетерпимость, тот же запрет на мысль в целях самозащиты». То, что должно было освободить человека, стало орудием против самого же себя. Психоанализ вышел за пределы изначальных рамок метода выявления душевных страданий и комплексов и стал для общества вратами к вожделенной свободе, к раскрепощению от оков запрета и стыда. Общество с лихвой воспользовалось данной свободой. Сначала стыдливо и настороженно, но со временем все более открыто и требовательно оно повышало свои запросы на раскрепощенность и самовыражение. У общества больше не осталось тайн, оно позволило себе намного больше, чем когда-то предполагало. Оно утратило сомнения в себе и вместе с тем нужду в изобличениях своего несовершенства. Его стал до нетерпимости раздражать нос Фрейда, сующийся в изъязы людской психики. У свободы не может быть душевных страданий. На то она и свобода. Свобода не обязана оставлять выбор или пресмыкаться перед моралью. Фрейд со своими оглядками на моральные устои стал скучен обществу. Ученому отведено заслуженное место на хрустальном пьедестале, приснившемся ему когда-то в образе стеклянного цилиндра. Общество признательно жмет ему руку за указанное направление и уходит прочь без путеводителя, оставляя его, как забавную фигурку, в искусственном блеске восхищения, сплетен и одиночества. Круг судьбы замкнулся.

Фрейд начинал изгоем. Изгоем он в истории и останется.

*Эдуард Марон,
психиатр-консультант, профессор психиатрии
Тартуского Университета,
почетный лектор Имперского*

Колледжа Лондон

Лекции по введению в психоанализ

«Лекции по введению в психоанализ» Фрейд читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. смешанной аудитории, включающей в себя слушателей разных факультетов. Разношерстность аудитории определила особенность изложения материала Фрейдом, в котором он стремился не к строго научной академичности, а к тому, чтобы заинтересовать слушателей и удержать их внимание в течение отведенных ему двух часов. Проведя лекции первой части импровизационно, Фрейд систематизировал свой подход для чтения лекций второй части. Стиль научного популяризаторства был избран им как наиболее подходящий для объяснения тем лекций с разных сторон, с целью более углубленного изучения предметов обсуждения и расширения знаний аудитории о них. К тому времени Фрейд полностью сформулировал основные постулаты психоанализа – своей главной научной концепции, рассматривающей человеческое поведение, структуру личности, природу влечений и механизмы бессознательного, концепции, ставшей в итоге влиятельным методом разоблачения психических расстройств. Психоанализ обретал не только сторонников, но и ярых противников. Цикл лекций, направленный на широкую аудиторию, дает Фрейду, не принужденному в силу своего возраста к обязательному преподаванию в Университете, возможность привлечь интерес публики и ее благосклонность.

Фрейд посвящает аудиторию в тайны психоанализа, раскрывает суть человеческих неврозов, страхов, фантазий и обнажает скрытые стенания человеческой сексуальности. Говоря о сложных психических структурах, Фрейд часто прибегает к метафоре и обыгрывает их в ролях живых существ, имеющих свои намерения, цели и особенности поведения. В таком виде он и создал свой труд, предупредив читателя о том, что в нем он найдет немного из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Он явно скромничал, поскольку сам предложил ранее никем не использованные до него подходы (в частности, по этимологии страха), благодаря которым «Лекции по введению в психоанализ» нашли достаточно широкий отклик и были переведены на множество языков. Так, две тысячи экземпляров на русском языке были проданы в Москве в течение месяца. В конце 1910-х годов психоанализ в России пользовался большой популярностью. И в начале 30-х Фрейд пишет новый цикл лекций по психоанализу. Правда, на это его подвигло также безвыходное финансовое положение немецкого издательства «Verlag», одним из директоров которого он был: «Конечно, эта работа делается более для нужд “Verlag”, нежели ради какой-либо надобности с моей стороны, но человеку всегда следует чем-нибудь заниматься, в чем его могут прервать, – это лучше, чем опускаться в состояние лени». В этой серии лекций он дал новое определение структуры человеческой личности. Если раньше он считал, что психическая жизнь состоит из бессознательного, предсознательного и сознательного, то теперь он предложил модель из Сверх-Я, Я и Оно, где Оно – примитивная часть личности человека, Я – посредник между внешней средой и ответными реакциями организма, и Сверх-Я – источник моральных и религиозных чувств, некий сдерживающий фактор. Фрейд пояснял, что новые лекции ни в коей мере не заменяют предыдущие, а лишь продолжают и дополняют ранние из них. Он разделил их на три группы, относя к первой те, в которых вновь разрабатываются темы, уже обсуждавшиеся в свое время, но требующие другого изложения, или, как признавался Фрейд, критического пересмотра по причине углубления исследовательских взглядов и изменения воззрений. Две другие же группы включили, собственно, более обширный материал, где рассматриваются случаи, которых либо вообще не существовало в то время, когда читались первые лекции по психоанализу, либо их было слишком мало, чтобы выделить в особую главу. Фрейд предупреждал, что «профессиональному аналитику они дадут мало нового, а обращаются к той большой группе образованных людей, которые могли бы проявить благосклонный, хотя и сдержанный интерес к своеобразию

и достижениям молодой науки». На этот раз Фрейд отказался от стремления к кажущейся простоте, полноте и законченности, а избрал иной путь: не скрывать проблем, не отрицать пробелов и сомнений. «От психологии как будто требуют не успехов в познании, а каких-то других достижений; ее упрекают в любой нерешенной проблеме, в любом откровенно высказанном сомнении, – говорит Фрейд. – Кто любит науку о жизни души, тот должен примириться и с этой несправедливостью».

Первая лекция. Введение

Уважаемые дамы и господа! Я не знаю, как много отдельные из вас знают из прочитанного или понаслышке о психоанализе. Однако буквальное заявленное мною название – «Элементарное введение в психоанализ» – обязывает меня обращаться с вами так, как если бы вы вообще ничего не знали и нуждались в первых наставлениях. Но, насколько я вправе предположить, вам известно, что психоанализ – это метод лечения нервных больных, и я тут же могу привести вам пример того, что в этой области кое-что делается по-другому, зачастую прямо-таки в противоположность тому, что принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить с помощью нового врачебного метода, то, как правило, стараются принизить перед ним трудности этого метода и дают ему обнадеживающие обещания по поводу успеха лечения. Я думаю, что мы так поступаем правильно, ибо подобным образом действий повышаем вероятность успеха. Но если мы беремся за психоаналитическое лечение невротика, то ведем себя по-другому. Мы указываем ему на трудности метода, его длительность, большие усилия и жертвы, которых он потребует, что же касается успеха, то говорим, что не можем ему с полной уверенностью его обещать, этот успех будет зависеть от его поведения, его понимания, его уступчивости, его выдержки. Разумеется, у нас есть веские основания для такого внешне совершенно противоположного поведения, которые, возможно, чуть позже вам станут понятными.

Нужно признать, что данное предостережение справедливо фактически для всех психоаналитических и психотерапевтических методов. Клиническая практика показывает, что пациенты с острой или тяжелой симптоматикой (депрессия, психоз) на острых стадиях болезни могут весьма плохо реагировать на психологические методы помощи в силу непонимания, критики и нарушения восприятия. С момента зарождения психоанализ часто подвергался жесткой критике и нередко обвинялся в шарлатанстве из-за отсутствия быстрого и явного результата. Но специфика психиатрических расстройств в том и заключается, что результат требует длительного и повторного воздействия, будь то терапия словом, делом или таблеткой. И тем не менее на сегодняшний день является абсолютно бесспорным тот факт, что психологические методы играют важную, а порой незаменимую роль в клинической практике.

Не сердитесь, если на первых порах я буду вести себя с вами так, как с этими невротическими больными. Собственно говоря, я бы и не советовал вам приходить во второй раз меня слушать. С этой целью я расскажу вам, какие несовершенства неизбежно связаны с преподаванием психоанализа и какие трудности противостоят обретению собственного суждения. Я вам покажу, почему все ваше прежнее образование и все привычки вашего мышления должны неизбежно сделать вас противниками психоанализа и в какой мере вам потребовалось бы их преодолеть, чтобы справиться с этой инстинктивной неприязнью. Конечно, я не могу заранее вам сказать, насколько вам станет понятным из моих сообщений психоанализ, но могу обещать, что, прослушав их, проводить психоаналитическое исследование или лечение вы не научитесь. Но даже если бы я нашел среди вас того, кто не удовлетворился беглым знакомством с психоанализом и захотел бы вступить с ним в длительные отношения, то я не только не стал бы этого советовать, но и напрямую его бы предостерег. В соответствии с тем, как обстоит дело сегодня, избрав такую профессию, он лишил бы себя всякой возможности добиться успеха в университете, а если он вступает в жизнь в качестве практикующего врача, то он окажется в обществе, которое не поймет его устремлений, будет смотреть на него враждебно и с недоверием и натравит на него всех затаившихся в нем злых духов. Наверное, как раз из явлений, которыми сопровождается свирепствующая сегодня в Европе война, вы сможете приблизительно оценить, сколько может быть таких легионов.

Впрочем, существует довольно много людей, для которых все, что может стать новой частицей знания, сохраняет свою привлекательность, несмотря на подобные неудобства. Если же некоторые из вас относятся к этой категории и, пренебрегши моими отговорами, в следующий раз они здесь снова появятся, то я буду рад их приветствовать. Но все вы имеете право узнать, в чем состоят указанные трудности психоанализа. Прежде всего – это трудность преподавания психоанализа, обучения ему. Во время занятий по медицине вас приучили видеть, вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы как результат раздражения ее нервов. Позднее вашим органам чувств показывают больного, симптомы его недуга, продукты болезненного процесса, более того, в многочисленных случаях – возбудителя болезни в изолированном состоянии. В хирургических специальностях вы становитесь свидетелями вмешательств, благодаря которым больному оказывают помощь, и вы сами можете попробовать это осуществить. Даже в психиатрии перед вами проводят демонстрацию больного, вы наблюдаете его изменившуюся мимику, его манеру говорить и его поведение, что производит на вас глубокое впечатление. Таким образом, преподаватель медицины выступает преимущественно в роли экскурсовода и комментатора, который сопровождает вас по музею, в то время как вы вступаете в непосредственную связь с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых фактов. К сожалению, совершенно иначе обстоит дело в психоанализе. В аналитическом лечении не происходит ничего иного, кроме обмена словами между анализируемым и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и эмоциональных побуждениях. Врач слушает, пытается управлять ходом мыслей пациента, увещевает, определенным образом направляет его внимание, дает ему разъяснения и наблюдает реакции понимания или отвержения, которые он вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных – которым импонирует только явное и осязаемое, а больше всего действия, подобные тем, которые можно увидеть в кинотеатре, – никогда также не упустят случая поделиться своими сомнениями: «Разве это возможно – простыми разговорами сделать что-то с болезнью?» Разумеется, эта мысль столь же недальновидна, как и непоследовательна. Ведь это те же самые люди, которые определенно знают, что больные «просто воображают» свои симптомы. Первоначально слова были магией, и слово еще и сегодня сохранило очень многое от своей былой чудотворной силы. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, с помощью слов учитель переносит свое знание на учеников, словами оратор увлекает за собой собрание слушателей и определяет их суждения и решения. Слова вызывают аффекты и являются общим средством людей влиять друг на друга.

Аффект (лат. affectus – страсть, душевное волнение) – эмоциональный процесс взрывного типа, характеризующийся кратковременностью и высокой интенсивностью, сопровождающийся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов. Аффекты отличают от эмоций, чувств и настроений. Аффект, как и любой другой эмоциональный процесс, представляет собой психофизиологический процесс внутренней регуляции деятельности и отражает бессознательную субъективную оценку текущей ситуации.

Не будем поэтому пренебрежительно относиться к использованию слов в психотерапии и будем довольны, если сможем услышать слова, которыми обмениваются аналитик и его пациент. Но и этого мы сделать не можем. Разговор, в котором состоит психоаналитическое лечение, не допускает присутствия слушателей; его нельзя продемонстрировать. Конечно, неврастеника или истерика можно представить учащимся во время психиатрической лекции. Тот расскажет о своих жалобах и симптомах, но ни о чем другом. Сообщения, которые требуются анализу, он сделает лишь при условии особой эмоциональной связи с врачом; он тут же замолк-

нет, как только заметит одного-единственного индифферентного ему наблюдателя. Ибо эти сообщения затрагивают самое сокровенное в его душевной жизни, все то, что он как социально самостоятельный человек должен скрывать от других, а в дальнейшем – все то, в чем он как целостная личность не хочет признаться себе самому. Поэтому вы не можете непосредственно слышать, как проводится психоаналитическое лечение. Вы можете только услышать о нем и познакомиться с психоанализом в строгом значении слова лишь понаслышке. Вследствие такой информации, полученной, так сказать, из вторых рук, вы оказываетесь в совершенно непривычных условиях для формирования собственного суждения. Очевидно, что очень многое зависит от того, насколько вы можете доверять человеку, который об этом рассказывает. Представьте теперь себе, что вы пришли на лекцию не по психиатрии, а по истории, и выступающий рассказал вам о жизни и ратных подвигах Александра Великого.

Речь идет об Александре Македонском, полководце, создателе мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как Александр Великий.

Битва при Иссе (333 до н. э.), о которой речь пойдет ниже, состоялась между македонской армией Александра Великого и персидским войском царя Дария в Киликии (Малая Азия). После победы при Иссе Александр покорил все восточное побережье Средиземного моря, включая Финикию, Палестину и Египет.

Выбор Македонского для примера обособлен, скорее всего, его масштабностью в истории и личной симпатией Фрейда. В детстве Фрейд грезил древними полководцами, мечтая стать великим, как они. На семейном совете, когда принималось решение, как назвать младшего мальчика, прошло предложение Зигмунда дать брату имя Александр, но прежде ему потребовалось подробно пересказать всю историю великих побед Александра Македонского, описывая его щедрость и воинские доблести.

Какие были бы у вас мотивы верить в правдоподобие его сообщений? Вначале дело, похоже, обстоит еще более неблагоприятно, чем в случае психоанализа, ибо профессор истории столь же мало был участником военных походов Александра, как и вы; психоаналитик же, по крайней мере, рассказывает вам о вещах, в которых он сам играл некую роль. Но затем наступает черед того, что заставляет вас поверить историку. Он может отослать вас к сообщениям древних писателей, которые либо сами жили в то время, либо хотя бы ближе находились к данным событиям, то есть к книгам Диодора, Плутарха, Арриана и др.; он может представить вам изображения сохранившихся монет и статуй царя и пустить по рядам фотографию помпейской мозаики битвы при Иссе. Строго говоря, все эти документы доказывают лишь то, что уже более ранние поколения верили в существование Александра и в реальность его дел, и вы снова могли бы выразить здесь свою критику. Затем вы обнаружите, что не всё, что рассказывалось об Александре, правдоподобно или детально установлено, но я все же не могу допустить, что вы покинете лекционный зал, сомневаясь в реальности Александра Великого. Ваше решение будет определяться главным образом двумя рассуждениями: во-первых, что у выступающего, скорее всего, нет мотива выдавать вам за реальное нечто, во что он и сам не верит, и, во-вторых, что все доступные книги по истории изображают события примерно одинаково. Если затем вы приступите к проверке более древних источников, вы будете принимать во внимание те же моменты – возможные мотивы авторитетных лиц и согласованность между собой свидетельств. В случае Александра результат проверки наверняка окажется успокоительным, но, вероятно, он будет иным, если речь пойдет о таких личностях как Моисей или Нимрод. Но сколько у вас может возникнуть сомнений в правдивости докладчика-психоаналитика, вам станет вполне понятно в дальнейшем. Тут вы будете вправе задать вопрос: «Если в психоанализе не существует объективных свидетельств и нет возможности их продемонстрировать, как можно вообще изучить психоанализ и убедиться в истинности его утверждений?» Изу-

чать психоанализ и в самом деле непросто, и не так много людей по-настоящему его изучили, но, разумеется, приемлемый путь все-таки существует. Психоанализ изучают прежде всего на самом себе, через исследование собственной личности. Это не совсем то, что называют самонаблюдением, но в крайнем случае можно назвать и так. Существует целый ряд очень часто встречающихся и очень известных душевных феноменов, которые сами по себе после некоторого обучения технике можно сделать предметом анализа. При этом приобретается искомая убежденность в реальности процессов, которые описывает психоанализ, и в правильности его трактовок. Однако успехи на этом пути имеют определенные рамки. Намного дальше удастся пройти, если позволяешь проанализировать самого себя опытному аналитику, переживаешь на собственном Я воздействие анализа и при этом используешь возможность перенять у другого более тонкую технику *метода*.

Здесь Фрейд отсылает к своему опыту самоанализа. Во время зарождения психоанализа и его ответвлений Фрейд был первым и единственным, кто подверг себя самоанализу, никто из его учеников и критиков на такое не решился. Фрейд нередко им это напоминал во время их нападков в свой адрес, намекая, небезосновательно, что имеется огромная пропасть в понимании психоанализа между теоретиками и практиками. Именно самоанализ, по убежденности Фрейда, наделяет психоаналитика верным пониманием и отточенностью методов.

Разумеется, этот превосходный способ доступен всегда только отдельному человеку, но никогда – всему курсу. Во второй трудности вашего отношения к психоанализу я уже не могу винить последний, а должен возложить ответственность на вас самих, уважаемые слушатели, во всяком случае, на ваши прежние занятия медициной. Ваше первоначальное образование задавало определенное направление вашей мыслительной деятельности, которое далеко отходит от психоанализа. Вы приучены анатомически обосновывать функции организма и их нарушения, химически и физически их объяснять и биологически понимать, но ни малейшая часть вашего интереса не была направлена на психическую жизнь, в которой, однако, достигает вершины деятельность этого удивительно сложного организма. Поэтому психологический образ мышления остался для вас чуждым, и вы привыкли относиться к таковому с недоверием, оспаривать у него характер научности и оставлять его дилетантам, поэтам, натурфилософам и мистикам. Несомненно, это ограничение наносит вред вашей врачебной деятельности, ибо вначале больной, как это обычно бывает во всех человеческих отношениях, будет показывать вам свой душевный фасад, и я опасаясь, что в качестве наказания часть терапевтического влияния, к которому вы стремитесь, достанется столь презираемым вами врачам-дилетантам, знахарям и мистикам. Я понимаю, чем можно оправдать этот недостаток вашего образования. Отсутствует философская вспомогательная наука, которая могла бы оказаться полезной для достижения ваших врачебных намерений. Ни спекулятивная философия, ни дескриптивная психология или опирающаяся на физиологию органов чувств так называемая экспериментальная психология, которые изучаются в школах, не способны сообщить вам что-либо пригодное об отношении между телесным и душевным и дать вам в руки ключ к пониманию возможного нарушения душевных функций.

Дескриптивная психология (от англ. descriptive – описательный, наглядный и греч. psyche – душа + logos – учение) – ряд направлений объяснительной психологии. В противоположность экспериментальной психологии, здесь делалась попытка описать и понять психологические феномены сами по себе, не редуцируя их к внепсихологическим явлениям.)

Экспериментальная психология – общее обозначение всех видов научно-психологических исследований, осуществляемых посредством различных экспериментальных методов.

Правда, в медицине психиатрия занимается описанием наблюдаемых душевных расстройств и составлением клинических картин болезни, однако время от времени сами психиатры сомневаются в том, заслуживают ли их чисто описательные построения именоваться наукой. Симптомы, которые составляют эти картины болезни, по своему происхождению, своему механизму и своей взаимосвязи неизвестны; им либо вообще не соответствуют какие-либо доказуемые изменения анатомического органа души, либо эти изменения таковы, что в них нельзя найти объяснения. Эти душевные нарушения доступны терапевтическому влиянию только тогда, когда их удастся признать побочными действиями какого-то иного органического поражения. Здесь существует пробел, который стремится восполнить психоанализ. Он хочет дать психиатрии недостающую психологическую основу, он надеется найти общее основание, исходя из которого станет понятным сочетание телесных и душевных расстройств. Для этой цели он должен избавиться от любой чуждой ему предпосылки анатомического, химического или физиологического характера, работать исключительно с чисто психологическими вспомогательными понятиями, и именно поэтому, как я опасаясь, в настоящий момент он покажется вам чужеродным. К следующей трудности я не хочу делать причастным вас, ваше первоначальное образование или установку. Двумя своими положениями психоанализ оскорбляет весь мир и навлекает на себя его отвержение; одно из них наталкивается на интеллектуальное, а другое – на эстетико-моральное предубеждение. Нам не стоит недооценивать эти предубеждения; это могущественные вещи, осадки полезного, более того, вынужденного развития человечества. Они поддерживаются аффективными силами, и бороться с ними трудно. Первое из этих неприятных утверждений психоанализа гласит, что сами по себе душевные процессы бессознательны, а сознательны лишь отдельные акты и компоненты душевной жизни в целом.

Бессознательное – совокупность психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания субъекта (человека), т. е. в отношении которых отсутствует контроль сознания.

Сознательное же – это отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта, т. е. отражение, выделяющее ее объективные устойчивые свойства. В психологии бессознательное обычно противопоставляется сознательному, однако в рамках психоанализа бессознательное и сознательное рассматриваются как понятия разного уровня: многое из того, что относится к двум другим структурам психики (Я и Сверх-Я), также отсутствует в сознании.

Вспомните, что мы, напротив, приучены отождествлять психическое и сознательное. Сознание считается нами прямо-таки определяющей характеристикой психического, а психология – учением о содержаниях сознания. Более того, это приравнение кажется нам настолько само собой разумеющимся, что возражение против него воспринимается нами как явная бессмыслица, и все же психоанализ не может не выдвинуть этого возражения и не может признать тождество сознательного и душевного. Его определение душевного гласит, что последнее – это некие процессы чувствования, мышления и желания, и психоанализ призван отстаивать наличие бессознательного мышления и бессознательного желания. Но тем самым он сразу теряет симпатию всех друзей рассудочной научности и навлекает на себя подозрение в том, что является фантастическим тайным учением, которому хочется бродить в потемках, ловить рыбу в мутной воде. Но, уважаемые слушатели, разумеется, вы не можете пока понять, с каким правом я могу отнести столь абстрактный по своему характеру тезис, как: «Душевное – это сознательное» к предубеждениям, не можете также догадаться, к чему может привести отрицание бессознательного, если таковое должно существовать, и какая выгода получалась при таком отрицании. Наверное, это выглядит как пустой словесный спор, можно ли приравнять психическое к сознанию или оно должно выходить за него, и все же я могу вас уверить, что с признанием наличия бессознательных душевных процессов открывается путь к важней-

шей переориентации в мире и в науке. Точно так же вы едва ли догадываетесь, насколько тесно это первое смелое утверждение психоанализа связано со вторым, которое теперь нужно будет упомянуть. Итак, этот другой тезис, который психоанализ заявляет в качестве одного из своих результатов, содержит утверждение, что импульсы влечения, которые можно обозначить лишь как сексуальные в узком, равно как и в широком смысле, играют необычайно важную и никогда раньше не получавшую должной оценки роль в возникновении нервных и душевных болезней. Более того, что эти же сексуальные побуждения вносят вклад, который нельзя недооценивать, в наивысшие культурные, художественные и социальные творения человеческого духа.

Влечение – одно из центральных понятий теории психоанализа (в составе так называемой теории драйвов). Это – стремление к удовлетворению неосознанной или слабо осознанной потребности и потому первоисточник любого психического движения и поведения. При этом недостаточность сознательного контроля обусловлена тем, что осознание связи предмета и эмоционального отклика на него подвергается «цензуре» по критерию соответствия образу «Я», что может включать механизмы психологической защиты (адаптации). Согласно Фрейду, влечение происходит из внутренних источников раздражения, оно создает психологическое напряжение, которое и действует как сила, ориентированная на устранение источника возбуждения; потому это понятие служит для отграничения душевного от телесного.

Предложенная Фрейдом сначала в виде догадки, а позже сформированная им как фундаментальная концепция, теория о бессознательной, тайной стороне человеческой психики, которая, по сути, является причиной всех человеческих мотивов, желаний, фантазий и поступков, несомненно стала его величайшим, революционным открытием. Однако одна из претензий к Фрейду со стороны последователей, критиков и ненавистников заключается в его якобы примитивном сведении всех психических процессов и нарушений к сексуальным влечениям. Такая трактовка теории Фрейда крайне односторонняя. Фрейд действительно придавал сексуальной энергии ведущую роль в жизни человека, но ни в коем случае не ограничивался лишь ею, что стало удобно ему приписывать. В конечном итоге фиксация на сексуальных влечениях как на первопричинах не являлась открытием. Достаточно обратиться, например, к философии и культуре Древней Индии, а также к эзотерическим учениям, которые позиционируют сексуальную энергию в роли основополагающей для физического, духовного и творческого развития человека.

По моему опыту, неприятие этого результата психоаналитического исследования является важнейшим источником сопротивления, на которое он натолкнулся. Хотите ли вы знать, как мы себе это объясняем? Мы считаем, что культура создавалась под влиянием жизненной необходимости в ущерб удовлетворению влечений и большей частью она постоянно воссоздается, поскольку отдельный человек, который вновь вступает в человеческое сообщество, повторяет жертву, поступаясь удовлетворением влечений в пользу общества. Среди используемых таким образом энергий влечения энергии сексуальных побуждений играют важную роль; при этом они сублимируются, то есть отклоняются от своих сексуальных целей и направляются на социально более высокие цели, теперь уже не сексуальные. Но эта конструкция лабильна, сексуальные влечения плохо поддаются укрощению; для каждого отдельного человека, который хочет присоединиться к культурной работе, существует опасность того, что его сексуальные влечения воспротивятся такому использованию. Общество не видит большей угрозы для своей культуры, чем освобождение сексуальных влечений и их возврат к своим первоначальным целям. Поэтому обществу не нравится, когда ему напоминают об этом деликатном моменте его возникновения, оно совершенно не заинтересовано в том, чтобы признать силу сексуальных влечений и прояснить значение сексуальной жизни для отдельного человека; больше того, в воспитательных целях оно стремится отвлечь внимание от всей этой обла-

сти. Поэтому оно не терпит указанного результата исследований психоанализа, ему хочется больше всего заклеить его как отвратительный в эстетическом отношении, морально предосудительный или даже опасный. Однако такими выпадами нельзя опровергнуть выдаваемый за объективный результат научной работы. Возражение, если оно должно прозвучать громко, должно быть перенесено в интеллектуальную область. Но в природе человека заложено то, что он склонен считать что-либо неверным, если ему это не нравится, и тогда очень легко найти против него аргументы. Стало быть, общество делает не нравящееся неверным, оспаривает истины психоанализа с помощью логических и объективных аргументов, но взятых из аффективных источников, и придерживается этих возражений в качестве предубеждений в ответ на все попытки опровержения. Но, уважаемые дамы и господа, мы смеем утверждать, что, выдвигая тот оспариваемый тезис, не преследовали вообще никакого намерения. Мы всего лишь хотели выразить настоящее положение вещей, которое, как мы полагали, выявили благодаря упорной работе. Мы и теперь настаиваем на праве категорически отклонять вмешательство в научную работу из таких практических соображений, даже если раньше исследовали, оправданно или нет опасение, диктующее нам подобную осмотрительность. Таковы некоторые из трудностей, которые препятствуют тому, чтобы вы занялись психоанализом. Для начала, пожалуй, этого более чем достаточно. Если вы сумеете справиться с неблагоприятным от них впечатлением, то мы сможем продолжить.

Часть третья. Общая теория неврозов

Шестнадцатая лекция. Психоанализ и психиатрия

Уважаемые дамы и господа! Я рад видеть вас снова после годичного перерыва и продолжить наши дискуссии. В прошлом году я представил вам психоаналитическую трактовку ошибочных действий и сновидений; нынче я хотел бы ознакомить вас с пониманием невротических явлений, которые, как вы обнаружите вскоре, и с теми, и с другими имеют много общего. Но я скажу вам заранее, что на этот раз не смогу позволить вам занимать по отношению ко мне такую же позицию, как в прошлом году. Тогда для меня было важно не делать ни одного шага, не согласовав его с вашим суждением; я много с вами дискутировал, считался с вашими возражениями и, собственно, признавал вас и ваш «здравый смысл» решающей инстанцией. Дальше так продолжаться не может, а именно в силу одного простого обстоятельства. Ошибочные действия и сновидения как феномены не были вам чужды; можно было сказать, вы обладали таким же большим опытом, как и я, или легко могли приобрести столь же опыта.

Ошибочные действия – часто встречающиеся и мало привлекающие к себе внимание явления, которые наблюдаются у любого здорового человека и которые он воспринимает как досадную случайность, недоразумение. В классическом психоанализе они являются объектом исследования, свидетельствующим о действительности бессознательных процессов в душевной жизни человека.

З. Фрейд различал три группы ошибочных действий. К первой группе он относил оговорки, описки, очитки, ослышки. Ко второй – такие явления, в основе которых лежит временное забывание имен и выполнение обещаний. К третьей – запрятывание, затеривание предметов, а также ошибки-заблуждения, когда на какое-то время человек верит тому, о чем он знает, что это не соответствует действительности.

Для психоаналитика ошибочные действия – это полноценные психические акты. Они имеют смысл, т. е. обладают определенным значением и включают в себя конкретное намерение. Более того, нередко ошибочные действия по сути дела совершенно правильны. Другое дело, что они возникают вместо другого предполагаемого или ожидаемого действия. Как бы там ни было, ошибочные действия дают ценный материал, который изучается методами психоанализа.

Однако область проявлений неврозов вам незнакома; поскольку сами вы не врачи, у вас нет иного доступа туда, кроме моих сообщений, и чем поможет самое лучшее суждение, если обсуждаемый материал при этом незнаком. Но не воспринимайте мое заявление так, будто я собираюсь читать вам догматические лекции и требую от вас безусловного доверия. Такое недоразумение было бы по отношению ко мне величайшей несправедливостью. Я не хочу в чем-либо убеждать – я хочу дать некие импульсы разбудить вашу мысль и поколебать предубеждения. Если вследствие незнания материала вы не можете составить собственного суждения, то вы не должны ни веровать, ни отвергать. Вы должны слушать и позволить воздействовать на вас тому, что я вам рассказываю. Убеждения приобретаются не так просто, а если же к ним пришли без малейших усилий, то вскоре оказываются не имеющими никакой ценности и нестойкими. Право на убеждение имеет лишь тот, кто, подобно мне, многие годы работал над одним и тем же материалом и сам испытал при этом те же новые и поразительные переживания. К чему вообще в интеллектуальной области эти поспешные убеждения, молниеносные обращения в другую веру, моментальное отвержение? Разве вы не замечаете, что

«coup de foudre», любовь с первого взгляда, приходит из совершенно другой, аффективной, области? Даже от наших пациентов мы не требуем, чтобы они приходили к нам с убежденностью или приверженностью к психоанализу. Это часто даже делает нас к ним подозрительными. Самая желательная для нас установка у них – доброжелательный скепсис. Попробуйте и вы спокойно дать вырасти у себя психоаналитическому пониманию наряду с общераспространенным, или психиатрическим, пока не представится случай, когда то и другое смогут повлиять друг на друга, друг с другом помериться и объединиться в одно решение. Но с другой стороны, вы и мгновения не должны полагать, что то, что я представляю вам как психоаналитическую точку зрения, является спекулятивной системой. Напротив, этот опыт – либо непосредственное выражение наблюдения, либо результат его переработки. Осуществлялась ли эта переработка достаточным и правомерным образом, выяснится в ходе дальнейшего развития науки, а по прошествии почти двух с половиной десятилетий и довольно далеко продвинувшись в жизни, смею без хвастовства утверждать, что работа, принесшая эти наблюдения, была особенно тяжелой, интенсивной и углубленной. У меня часто возникало впечатление, будто наши противники вовсе не желали принимать во внимание это происхождение наших утверждений, будто они полагали, что речь идет лишь о субъективно обусловленных идеях, которым любой другой по своему усмотрению может противопоставить свои собственные. Это поведение противников мне не совсем понятно. Возможно, оно объясняется тем, что обычно врачи так безучастны к нервным больным, так невнимательно слушают то, что они говорят, что лишены возможности вынести из их сообщений что-нибудь ценное, то есть производить над ними тщательные наблюдения. Я обещаю вам по этому поводу, что в своих лекциях не буду много полемизировать, меньше всего – с отдельными людьми. Я не смог убедиться в верности тезиса, что в споре рождается истина. Я думаю, что он происходит от греческой софистики и, как и та, грешит переоценкой диалектики.

Диалектика (др. – греч. διαλεκτική – искусство спорить, вести рассуждение) – метод аргументации в философии, а также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречие мыслимого содержания этого мышления.

Мне, напротив, казалось, что так называемая научная полемика в общем и целом неплодотворна, не говоря уже о том, что почти всегда она ведется в высшей степени лично. До недавнего времени и я тоже мог похвалиться, что один раз вступил в настоящий научный спор с одним-единственным исследователем (Лёвенфельдом из Мюнхена). Дело кончилось тем, что мы стали друзьями и остаемся ими по сей день. Но потом долгое время я не повторял этого опыта, потому что не был уверен в подобном исходе.

В 1900–1903 гг. Фрейд ведет активную переписку с мюнхенским психиатром Леопольдом Лёвенфельдом (1847–1923), специализировавшимся в области толкования снов. Начало переписки связано с работой Фрейда над этой тематикой и подготовкой статьи «О сновидении».

Известно также, что Лёвенфельд резко воспринял работу Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» (1903 г.), говоря, что это «ужас»...

Вы, несомненно, сочтете, что подобный отказ от литературной дискуссии свидетельствует об особенно большой нетерпимости к возражениям, об упрямстве, или, как выражаются на нашем любезном научном разговорном языке, о «помешательстве». Мне хочется вам ответить, что если вы когда-нибудь приобретете некое убеждение в результате столь тяжелой работы, то и вы получите право с некоторой вязкостью придерживаться этого убеждения. Далее я могу выставить как довод, что в ходе моих работ я модифицировал, изменял свои взгляды по некоторым важным пунктам, заменял их новыми, о чем, разумеется, каждый раз делал пуб-

личное сообщение. А результат такой откровенности? Одни вообще не знают о моих самостоятельно внесенных поправках и еще и сегодня критикуют меня за те положения, которые давно уже утратили для меня прежнее значение. Другие упрекают меня как раз за эти изменения и поэтому объявляют меня ненадежным. И, не правда ли, кто несколько раз поменял свои взгляды, тот вообще не заслуживает доверия, ибо легко допустить, что он мог ошибиться и своими последними утверждениями? Того же, кто твердо держится за однажды высказанное и не так уж быстро позволяет себе от этого отказаться, называют упрямым и помешанным. Можно ли перед лицом этих противоположных воздействий критики поступать иначе, как не оставаться самим собой и вести себя так, как повелевает собственное суждение? На это я и решился и не позволю удерживать меня от того, чтобы вносить поправки и изменения, как того требует мой углубляющийся опыт. В основополагающих воззрениях до сих пор я не считал нужным что-либо менять, и я надеюсь, что так оно будет и впредь.

Фрейд редко отступал от своих взглядов и теорий и мало сомневался в их правоте. Будучи неконфликтным в публичных спорах человеком, он тем не менее был крайне категоричен в своем мнении, что всякое отхождение от его понимания и трактовки психоанализа есть заблуждение и ошибка. Такая непримиримая убежденность, несомненно, стала залогом успеха Фрейда. Только благодаря непоколебимой вере в свою правоту он сумел выстоять перед всеми нападками и критикой и добиться всеобщего признания. Но в то же время категоричность Фрейда не позволила ему принять альтернативный или оппозиционный взгляд на психоанализ со стороны его учеников и соратников, которые в выгодный для них момент отошли от Фрейда в угоду личным амбициям. Возможно, нанесенная отступниками обида, в которой Фрейд не признавался, стала одной из причин его столь категоричного неприятия их учений и новшеств, основанных на фрейдизме или отталкивающихся от него.

Итак, я должен представить вам психоаналитическое понимание невротических явлений. При этом напрашивается мысль начать с уже обсуждавшихся феноменов как вследствие их аналогий, так и контраста. Я остановлюсь на симптоматическом действии, которое совершают многие люди во время моего приема. С людьми, которые посещают нас в кабинете врача, чтобы за четверть часа выложить нам горести своей долгой жизни, аналитик мало что может сделать. Его более глубокое знание психоаналитика делает для него затруднительным высказать, подобно другому врачу, заключение: «У вас все в порядке», – и посоветовать: «Пройдите небольшой курс водолечения». Один наш коллега на вопрос, как он поступает со своими больными, являющимися к нему на прием, пожимая плечами, ответил: он в шутку налагает на них штраф в размере стольких-то крон. Поэтому не удивляйтесь, услышав, что даже у занятых психоаналитиков в часы приема обычно бывает не очень-то оживленно. Я сделал простую дверь между моим кабинетом и приемной двойной и обил ее войлоком. Назначение этого небольшого приспособления не вызывает сомнений. Теперь постоянно случается так, что люди, которых я впускаю из приемной, забывают закрыть за собой дверь, и почти всегда обе двери остаются открытыми. Заметив это, я довольно нелюбезным тоном настаиваю на том, чтобы вошедший или вошедшая, будь то элегантный господин или расфуфыренная дама, – вернулся и исправил оплошность. Это производит впечатление неуместного педантизма. Иногда я попадал впросак с таким требованием, когда это касалось людей, которые сами к нажимной дверной ручке прикасаться не могут и рады, если сопровождающие лица уберегают их от этого прикосновения. Но в большинстве случаев я оказывался правым, ибо тот, кто так поступает, кто оставляет двери из приемной в кабинет врача открытыми, относится к черни и заслуживает того, чтобы его встретили нелюбезно. Не принимайте чью-либо сторону, не услышав дальнейшего. Дело в том, что эта небрежность со стороны пациента случается только тогда, когда он находится в приемной один и, стало быть, оставляет за собой пустую комнату, но не

случается никогда, если вместе с ним дожидались приема другие, посторонние, люди. В этом последнем случае он очень хорошо понимает, что не в его интересах, чтобы другие подслушивали, когда он разговаривает с врачом, и никогда не забывает тщательно закрывать за собой обе двери. Детерминированное таким образом упущение пациента не является ни случайным, ни бессмысленным, ни несущественным, ибо, как мы увидим, оно проливает свет на отношение входящего к врачу. Пациент принадлежит к огромному числу тех, кому нужен светский авторитет, кто хочет быть ослепленным, запуганным. Возможно, справляясь по телефону, в каком часу ему лучше всего прийти, он представлял себе толпу ищущих помощи, как перед филиалом Юлиуса Майнля. И вот он входит в пустую, к тому же чрезвычайно скромно обставленную приемную, и это его потрясает. Он хочет, чтобы врач поплатился за то, что он собирался отнестись к нему с таким избытком почтения, а потому и забывает закрыть двери между приемной и кабинетом. Этим он хочет сказать врачу: «Ах, ведь здесь никого нет и, вероятно, никто не придет, пока я буду здесь находиться». Он и во время беседы будет вести себя невоспитанно и неуважительно, если его заносчивость с самого начала не осадит резким выговором. В анализе этого небольшого симптоматического действия вы не найдете ничего, что уже не было бы вам известно: утверждения, что оно не случайно, а имеет мотив, смысл и намерение, что оно принадлежит душевной взаимосвязи, которую можно указать, и что в качестве незначительного проявления оно свидетельствует о более важном душевном процессе. Но прежде всего, что этот заявивший о себе таким образом процесс неизвестен сознанию того, кто его осуществляет, ибо ни один из пациентов, оставивших открытыми обе двери, не смог бы признаться, что этим упущением он хотел показать мне свое неуважение. О чувстве разочарования при входе в пустую приемную, вероятно, кое-кто вспомнит, но связь между этим впечатлением и последующим симптоматическим действием для его сознания, несомненно, осталась неизвестной. Теперь мы хотим добавить к этому небольшому анализу симптоматического действия наблюдение над больной. Я выбираю такую, воспоминание о которой у меня еще свежо, а также потому, что ее можно изобразить сравнительно кратко. Известная степень обстоятельности при любом таком сообщении неизбежна. Молодой офицер, вернувшийся домой в краткосрочный отпуск, просит меня взять на лечение его тещу, которая, несмотря на самые благоприятные условия, отравляет жизнь себе и своим близким бессмысленной идеей. Я знакомлюсь с 53-летней хорошо сохранившейся, любезной и простой в обращении дамой, которая без внутреннего сопротивления рассказывает мне следующее. Она живет в деревне в счастливейшем браке со своим мужем, управляющим крупной фабрикой. Она не устает хвалить нежную заботливость своего мужа. Тридцать лет тому назад был заключен брак по любви, с тех пор ни одного недоразумения, ни одной ссоры или повода к ревности. Двое ее детей счастливы в браке, муж и отец из чувства долга не хотят уходить на покой. Год назад случилось нечто невероятное, непонятное ей самой: она с ходу поверила анонимному письму, в котором ее замечательный муж обвинялся в любовной связи с молодой девушкой, и с тех пор ее счастье разрушено. Дальнейший ход событий был примерно таков: у нее была горничная, с которой она, возможно, слишком часто обсуждала интимные вещи. Эта девушка преследовала другую прямо-таки с ненавистью и враждебностью, поскольку та достигла в жизни гораздо большего, хотя по своему происхождению была ничем не лучше ее. Вместо того чтобы пойти в служанки, девушка получила коммерческое образование, поступила на фабрику и вследствие недостатка персонала из-за призыва служащих в армию выдвинулась на хорошую должность. Теперь она жила на самой фабрике, общалась со всякими господами и даже называлась барышней. Отставшая в жизни девушка была, конечно, готова обвинять бывшую школьную подругу во всевозможных грехах. Однажды наша дама судачила с горничной об одном гостившем у нее пожилым господине, о котором было известно, что он не жил со своей женой, а поддерживал отношения с другой женщиной. Она не знает, как получилось, что она вдруг сказала: «Для меня было бы самым ужасным, если бы я вдруг узнала, что мой добрый муж тоже имеет связь». На следу-

ющий день она получает по почте анонимное письмо, написанное измененным почерком, в котором сообщалось об этом словно накликавшем ее событии. Она решила (наверное, справедливо), что это письмо – дело рук ее злой горничной, ибо любовницей мужа была названа именно та барышня, которую с ненавистью преследовала служанка. Но хотя она сразу распознала интригу и на довольно многих примерах из своего окружения знала, как мало доверия заслуживают такие трусливые доносы, случилось так, что это письмо мгновенно ее сразило. Она впала в ужасное возбуждение и тотчас послала за своим мужем, чтобы обрушиться на него с самыми резкими упреками. Муж со смехом отверг обвинение и сделал лучшее из всего, что можно было сделать. Он послал за домашним и фабричным врачом, который постарался успокоить несчастную женщину. Да и дальнейшие действия того и другого были вполне разумны. Горничную уволили, но мнимую соперницу – нет. С тех пор больная не раз успокаивалась настолько, что содержанию анонимного письма больше не верила, но никогда по-настоящему и никогда на долгое время. Достаточно было услышать имя барышни или встретить ее на улице, чтобы вызвать у нее новый приступ недоверия, страдания и упреков. Такова история болезни этой славной женщины. Не надо иметь большого психиатрического опыта, чтобы понять, что в противоположность другим нервным больным она изобразила свой случай скорей слишком мягко, то есть, как мы говорим, она диссимулировала, и что, собственно говоря, она никогда не переставала верить в обвинения анонимного письма. Какую же позицию займет психиатр по отношению к такому случаю болезни? Как он повел бы себя по отношению к симптоматическому действию пациента, не затворившего двери в приемную, мы уже знаем. Он объявит его случайностью, не имеющей психологического интереса и больше его не касающейся. Но это отношение нельзя распространить на случай заболевания ревнивой женщины. Симптоматическое действие кажется чем-то безразличным, но симптом предстает чем-то важным. Он связан с интенсивным субъективным страданием, он объективно угрожает совместной жизни семьи; стало быть, он является непреложным объектом психиатрического интереса.

Субъективность – это выражение представлений человека (мыслящего субъекта) об окружающем мире, его точки зрения, чувства, убеждения и желания. Фрейд рассматривал субъективные страдания как необходимое условие для готовности пациента начать терапию. Позже он утверждал, что «первичный мотив, движущий терапию, это страдания пациента и происходящее от них желание быть излеченным», и также относил это желание к необходимым условиям для терапевтической мотивации в течение всего курса терапии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.